

Технопарк
универсальных
педагогических
компетенций

УЧИТЕЛЬ
БУДУЩЕГО
ПОКОЛЕНИЯ
РОССИИ

ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

«Случайные попутчики» среди участников восстания 14
декабря 1825 г. на основе анализа персоналий
П.Г. Каховского и А.Я Якубовича.

Автор- разработчик:
Доцент кафедры ИФиП, к.и.н: __Иванов В.В.

Директор ИРУПК: Бабичева Е.Г.

Комсомольск-на-Амуре
2025

В декабре 2015 г. исполнилось 190 лет с того момента, когда несколько восставших полков вышли на Сенатскую площадь Санкт-Петербурга, отказавшись присягать на верность государю Николаю Павловичу. В выступлении приняли участие очень разные люди – опытные офицеры, прошедшие не одну войну и те, кто совсем недавно примерил мундир; отцы семейств и одинокие. Было немало убежденных сторонников конституционализма. Были и те, кого в ряды декабристов привел случай. Наиболее одиозными фигурами среди последних были отставной поручик П.Г. Каховский и капитан А.И. Якубович.

Кто они – авантюристы или жертвы обстоятельств?

«Петр Григорьевич Каховский».

Петр Григорьевич Каховский, потомок обедневших дворян Смоленской губернии, родился в 1797 г. Образование он получил в Благородном пансионе при Московском университете. Детскими кумирами будущего декабриста были герои древней Греции и Рима. В, первую очередь, борцы с тиранией – Гармодий, Аристокитон, братья Гракхи, Брут. В отличие от многих декабристов, он не участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах. Не позволил возраст. В 1816 г. Каховский поступил юнкером на службу в 7-й егерский полк. Однако рвения к службе Петр Григорьевич не проявил. Более того, неоднократно становился участником скандалов, наделал долгов. В результате, в 1817 г. его разжаловали в солдаты и отправили в Астраханский кирасирский полк, дислоцировавшийся на Кавказе. Петр Григорьевич принимал участие в боях с горцами и за проявленную храбрость уже в 1819 г. был произведен в поручики. Тем не менее, военную карьеру он продолжать не стал. В 1821 г. по состоянию здоровья Каховский вышел в отставку.

Период с момента отставки вплоть до начала 1825 г., т.е. до встречи с членами Северного тайного общества, можно охарактеризовать как своеобразные поиски самого себя. Жизнь в родовом имении Каховского не прельщала. В 1823–1824 гг. он путешествовал за границей, занимался самообразованием. Посещал лекции в университетах; изучал языки, экономику; много читал. Это серьезно повлияло на мировоззрение будущего декабриста. По его же собствен-

ному признанию: «Чтение всего того, что было известным в свете по части политической, дало наклонность мыслям моим».[1, с.246]

В начале 1820-х гг. в Европе было неспокойно. В 1820–1823 гг. Испанию и Португалии сотрясали революции, основными целями которых являлись установление конституционной монархии. В феврале 1821 г. развернулось национальное восстание в Греции, привлечшее внимание общественности многих стран. В марте 1821 г. вспыхнула революция в Пьемонте (Северная Италия). Все вышеперечисленные выступления были подавлены вследствие военной интервенции сопредельных государств. Трагический финал европейских революций стал убедительным доказательством для многих будущих бунтарей, что самым эффективным средством в политической борьбе является исключительно вооруженное насилие. Каховский не стал исключением.

С одной стороны, знания, полученные в ходе поездки по Европе, позволили Каховскому не только серьезно расширить кругозор, но и использовать их для анализа политической ситуации в России в начале 1820-х гг. С другой стороны, вернувшись на Родину, Петр Григорьевич не нашел дела, которому он был готов посвятить свою жизнь. Отставной военный не имел профессии. Пережив личную драму, он так и не обзавелся семьей. Кроме того, Каховский был весьма ограничен в финансовых средствах.

В конце 1824 г. П.Г. Каховский собирался ехать в Грецию, чтобы принять участие в освободительной борьбе против турецкого гнета. Жизнь в России для него потеряла всякий смысл, а героическая гибель за освобождение Родины своих кумиров привлекала поклонника борьбы с тиранией. Однако отъезд не состоялся. Отставной кирасир сблизился с одним из руководителей Северного тайного общества К.Ф. Рылеевым. Общение выросло в дружбу. Члены тайного общества отметили активную жизненную позицию Каховского, готовность к немедленным действиям и самопожертвованию во имя идеалов свободы.

Рылеев вспоминал первое впечатление о встрече с будущим соратником: «Приметив в нем образ мыслей совершенно республиканский и готовность на всякое самоотвержение, я после некоторого колебания решился его принять,

что и исполнил, сказав, что цель общества есть введение самой свободной монархической конституции».[1, с.247]

Ознакомившись с программой Северного общества, Каховский отказался от поездки в Грецию и примкнул к организации. Вступив в общество в январе 1825 г., он занялся пропагандой среди офицеров Лейб-гвардии Гренадерского и Лейб-гвардии Измайловского полков. Хороший эрудит, бывший офицер оказался весьма умелым агитатором. Ему удалось убедить присоединиться к организации лейб-гренадеров поручиков Сутгофа и Панова, подпоручика Кожевникова. Ряд офицеров Измайловского полка симпатизировал будущему заговору, также благодаря работе Каховского. По признанию Кожевникова: «...Был однажды вместе с поручиком Сутговым и отставным поручиком Каховским, долго рассуждали о нашем правительстве; и сей последний, исполненный красноречия, убедительно доказывали, сколь велико благо народа вольного».[3, с.74]

Следует еще раз подчеркнуть, что материальное положение отставного поручика было не просто бедственным, а отчаянным. У него не было родных, на помощь которых он мог рассчитывать. Доходы от маленького родового имения Тихвинка в Смоленской губернии – ничтожны. Однажды Рылеев даже заплатил портному, которому Каховский задолжал. Безусловно, он поступил так, чтобы помочь товарищу. Но, учитывая независимый характер Петра Григорьевича, можно представить какое унижение испытывал он от этого.

Тем не менее, их отношения были весьма неоднозначными. Каховский желал немедленных активных действий. Уже в январе 1825 г. он заявил Рылееву о намерении совершить убийство императора Александра I и потребовал, чтобы руководство общества назначило срок покушения. С большим трудом Кондратий Федорович отговорил своего нового соратника от замысла.

Окончательно роль П.Г. Каховского в предстоящем восстании определилась накануне выступления. Вечером 13 декабря Рылеев в присутствии А. Бестужева, И. Пущина и Оболенского заявил товарищу: «Любезный друг! Ты сир на сей земле; я знаю твое самоотвержение; ты можешь быть полезнее, чем на площади, – истреби царя!».[6, с.237] Вероятнее всего, Рылеев решил использо-

вать готовность товарища к риску, как страховочный вариант, на случай возникновения непредвиденных препятствий царубийству. Каховскому рекомендовалось проникнуть в Зимний дворец, переодевшись в мундир лейб-гренадера.[1, с.269] На его возражения, что маскарад не поможет, Петру Григорьевичу было предложено ждать появления царя на Дворцовой площади. План Рылеева больше походил на самоубийство, а не на уничтожение тирана, к которому Каховский готовился всю жизнь. Тем не менее, он согласился.

«Александр Иванович Якубович».

Биография Якубовича до 14 декабря 1825 г. вызывала уважение не только у молодых офицеров, но и убежденных седидами ветеранов. Потомок небогатого черниговского дворянского рода появился на свет в 1792 г. Образование получил в Благородном пансионе при Московском университете. За этим последовала служба юнкером в Лейб-гвардии Уланском полку в 1813–1818 гг. Уланы являлись самым молодым родом оружия в кавалерии российской армии. В отличие от других подразделений гвардии, Лейб-Гвардии Уланский полк сформировали только в 1809 г. и постоянно испытывал некомплект.

Период службы Якубовича в Лейб-Гвардии Уланском полку пришелся на тяжелые годы Отечественной войны 1812 г. Отследить его биографию можно только по боевому пути подразделения, в котором он служил. Учитывая срок поступления в гвардию, Якубович принимал участие в заграничных походах. Уланы, как разновидность легкой кавалерии, вели разведку, обеспечивали связь между отдельными подразделениями, осуществляли прикрытие основных сил. Лейб-гвардии Уланский полк участвовал в сражениях под Кульмом, Лейпцигом. В августе 1814 г. это подразделение было отмечено Георгиевскими трубами за участие в битве при Фер-Шампенуазе.[8, с.60] Судя по всему, Якубович не отличился в боях. Орденов и золотого оружия не заслужил, офицерский чин не получил. Войну он закончил портупей-юнкером.

Служба Якубовича после окончания войны с наполеоновской Францией продолжалась в целом безмятежно. В 1816 г. он получил чин корнета. Молодой офицер вел привычную жизнь для гвардейца – вино, карты, амурные похождения.

ния. Следуя знаменитому выражению, «А кто с утра еще не пьян – тот, извините, не улан» он приобрел репутацию бретера, буяна.

В ноябре 1817 г. Якубович стал участником скандала, получившего серьезный общественный резонанс и круто изменившего его дальнейшую судьбу. Молодой корнет участвовал в четверной дуэли графа Завадовского и князя Шереметева. В поединке такого рода, помимо главных противников, должны были драться и секунданты. Ссора Завадовского и Шереметева, произошедшая вследствие амурной истории, могла бы и не состояться. Сомнительно, что два отпрыска известных дворянских фамилий стали бы рисковать из-за пусть талантливой и красивой, но, все же, балерины, Истомной. Кроме того, конфликт стал широко известен. Соперничество молодых аристократов обсуждали во многих элитных салонах Москвы. В целом, ссора могла закончиться примирением. Однако корнет Якубович весьма упорно настаивал на схватке. В результате, Завадовский убил Шереметева. Поединок секундантов А.С. Грибоедова и Якубовича был отложен. Дуэль получила весьма скандальный характер. О столкновении стало известно даже Александру I. Все его участники – Завадовский, Грибоедов и Якубович – были арестованы и отданы под суд.

В советских исследованиях данная история представлялась несколько предвзято. Якубович выглядел, как наиболее пострадавший. Действительно, после поединка он переведен на Кавказ прапорщиком в Нижегородский драгунский полк. Приказ об этом подписал сам Александр I. Грибоедов и граф Завадовский не понесли наказания. Дуэль не повредила карьере первого, а второй вообще после окончания следствия отправился в заграничное путешествие. Утверждение о несправедливом приговоре подкреплялось тем обстоятельством, что граф являлся потомком старинного дворянского рода. Фактически, Якубович выглядел «страдальцем» за грехи приятеля-аристократа.

В реальности, император был намерен наказать всех дуэлянтов. По закону Завадовского и Грибоедова, как гражданских лиц, ожидало кратковременное заключение в монастырь. Якубовичу, как офицеру гвардии, грозил перевод в армейский полк. Однако при детальном рассмотрении всех обстоятельств кон-

фликта, действия Завадовского были признаны, «как необходимая самооборона».[11, с.199] Участие Грибоедова в дуэли было «высочайше отставлено без внимания».[11, с.199] Следует учесть, что тот и другой глубоко раскаялись. Немалое значение имело и ходатайство старого князя Шереметева, просившего государя простить всех участников поединка. Таким образом, приговор Александра I Якубовичу, как главному подстрекателю дуэли, был справедлив.

Нижегородский драгунский полк располагался в Кахетии (Грузия) и занимал позиции на Лезгинской пограничной линии, но в этот момент не участвовал в боевых действиях. Служба не обременяла Якубовича, т.к. он постоянно проживал в Тифлисе. Любопытно, что перевод на Кавказ послужил некоторой популяризации Якубовича среди новых сослуживцев. Опальный улан в собственном изложении московской истории объяснял наказание тем, что после ранения Шереметева, когда противники отказались продолжать поединок, он в запальчивости прострелил из пистолета шляпу Завадовского. Однако в этом случае, Якубовича ждала не отправка из гвардии в армию, а лишение чина, дворянства и отправка на каторгу. Тем не менее, никто не пытался обвинить его во лжи. Письменный приказ государя о переводе на Кавказ, Якубович хранил при себе. Как показали последующие события, отнюдь не для памяти.

Прибытие в Тифлис А.С. Грибоедова в октябре 1818 г. для дальнейшей службы стало продолжением московского скандала. Якубович оскорбил молодого дипломата и потребовал нового поединка. Условия схватки были очень жесткими: участники стрелялись на 6 метрах. Тем не менее, прапорщик ранил Грибоедова в руку. При этом он сказал противнику, профессионально занимавшемуся музыкой: «По крайней мере, играть перестанешь».[11, с.221-222]

За дуэль Якубович не был привлечен к ответственности. Начальник гарнизона Тифлиса полковник Наумов, не дождавшись явки и раскаяния прапорщика, выслал его в полк. Командующий Грузинским корпусом (с 1820 г. – Отдельный Кавказский корпус) генерал от инфантерии А. Ермолов, узнав о поединке, хотел наказать чересчур буйного офицера, но после заступничества Грибоедова и секунданта Якубовича Муравьева, отказался от этой идеи.

«Якубович на Северном Кавказе».

Кавказская война стала особой страницей в истории России, ее армии. В биографии Якубовича данный период стал славным и драматичным. Покорение Россией северокавказского региона в XIX в. существенно отличалось от войн в его обычном понимании. Здесь не было крупномасштабных сражений, массовых кавалерийских атак, одновременного применения сотен орудий, как в битвах при Бородино, под Малоярославцем, Лейпцигом, Кульмом. На Кавказе методы борьбы с врагом были несопоставимы с традиционной тактикой, описанной в армейских уставах, директивах, инструкциях.

На этой войне противник почти не выходил на открытое пространство, а укрывался в горах, лесах, которые были для него родным домом. Для русских врагом мог оказаться любой местный житель: пастух, пасущий скот; торговец на рынке; женщина, идущая за водой. Внешне мирный земледелец внезапно превращался в свирепого абрека. Неожиданные набеги, угон скота, ложное отступление и засады были главными и весьма эффективными приемами горцев.

В первой половине XIX в. в российской армии сложилась особая категория военнослужащих, прошедших через Кавказ. Это были офицеры и солдаты со своеобразным менталитетом, сформировавшимся в условиях жизни в суровом крае. Как уже упоминалось, стратегия и тактика ведения боевых действий в данном регионе, повседневная жизнь, традиции кардинально отличались от общепринятых законов и обычаев войны. Следовательно, русскому офицеру, служившему на Кавказе, было недостаточно храбрости и исполнительности. Здесь, в первую очередь, требовалась личная инициатива, способность к импровизации, умение предвидеть дальнейшее развитие ситуации и быстро принимать верные решения. Необходимо было сочетать искусство воина, дипломата, этнографа и даже психолога. Вчерашний союзник мог оказаться смертельным врагом, а самый непримиримый противник – верным другом.

Успеха на этой войне добивался тот, кто не следовал традиционным методам ведения боя. Новичку требовалось изучить, а, если нужно – перенять образ действия горцев, погрузиться в местную жизнь и до известной степени

сродниться с ней. И это при том, что в XIX в. не существовало ни пособий, ни учебных программ, рекомендация по поведению военнослужащих в различных ситуациях на Кавказе. Каждый офицер, прибывший сюда, был вынужден заново учиться воевать и выживать, полагаясь исключительно на собственный опыт. Нередко знания приходилось получать, проливая кровь. Не случайно многие офицеры внимательно относились к советам ветеранов, среди которых были люди низших сословий; предпочитали носить черкески и папахи вместо привычных мундиров, осваивали местные обычаи. Обычным делом стало заключение кебинных (договорных, временных) браков. Солдатам взамен неудобных шинелей и киверов выдавались полушубки и папахи. В действующих войсках на Кавказе практически отсутствовали палочная дисциплина и шагистика, столь распространенные в российской армии в первой половине XIX в. Так появился совершенно особый тип офицера – «кавказский».[5, с.205-208]

М.Ю. Лермонтов, служивший на Кавказе, участвовавший во многих сражениях, писал о таком типе людей следующее: «Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; склонность к обычаям восточным берет в нем перевес, но стыдится ее при посторонних, то есть при заезжих в России... Между тем хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут... Чуждый утонченности светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнавал их по именам богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь».[7, с.336-339]

Для многих поколений русских офицеров XIX в. понятие «кавказец» стало воплощением храброго, независимо мыслящего, человека; равнодушного к армейской муштре и чиновничеству; зарабатывающего авторитет и награды, не составлением бравых докладов начальству, а отвагой и боевым искусством на поле сражения. В условиях России, где царило крепостное право и чиновни-

чий произвол, Кавказ считался местом, где сохранялась атмосфера своеобразного вольнодумства, некоего демократизма.

Якубович полностью соответствовал критериям «кавказца». Его жизнь – постоянное участие в боевых действиях. Как следствие быстрый рост по службе. Уже в 1820 г. Якубович, имевший в 1818 г. чин прапорщика, стал штабс-капитаном. Фактически, за два неполных года известный скандалист и бретер поднялся на три ступени (подпоручик, поручик) по карьерной лестнице. С учетом его личных качеств, остается констатировать, что главной причиной столь стремительного продвижения по службе стали исключительно боевые отличия.

В начале 1820-х гг. Якубович участвовал в операциях русских войск в Каракайдаке, Табасарани (северный Дагестан); воевал против вольного Акушинского общества. Он часто ходил в разведку, выполнял весьма опасные задания командования. Следует учесть, что чаще всего штабс-капитан действовал не в составе полка, к которому он был приписан, а возглавлял отдельные отряды, укомплектованные добровольцами из казаков и горцев.

Во время покорения Казикумыкского ханства летом 1820 г. молодой драгун находился в составе войсковой экспедиции генерал-майора князя Мададова. Данное подразделение совершило тяжелый переход в условиях горной местности и активного противодействия противника из Ширвани в южный Дагестан.[9, с.254-255] Возглавляя отряд, укомплектованный горцами-конниками, Якубович участвовал в сражении при форсировании района Чирага, взятии крепости Хозрек. Это была весьма ответственная и опасная должность. Горцы, ставшие союзниками русских, являлись бойцами иррегулярных частей. Им были чужды армейская дисциплина, чинопочитание и субординация. Чтобы стать для них не просто «своим», а командиром, любой приказ которого будет беспрекословно выполняться, нужно было превзойти своих подчиненных в храбрости и владении оружием в бою. Иногда требовалась обычная житейская мудрость. Судя по всему, Якубовичу удалось добиться заслуженного авторитета.

Однополчанин Якубовича подполковник Ван-Гален, участник покорения Казикумыкского ханства, вспоминал: «Я был невольным свидетелем не-

скольких сцен, обрисовавших свирепую ярость, до которой доходили азиатские бойцы, и эти сцены были тем чаще, что в этой гористой местности не было никакого единства действий, и все зависело от личной храбрости».[9, с.255]

Генерал Ермолов писал начальнику Главного штаба князю Волконскому: «Заглаживая вину своей безрассудной молодости, он командовал у Мадатова мусульманской конницей и в бою, при овладении высотами, отличил себя истине блистательной храбростью. Если не достоин он воспользоваться милосердием Императора для перевода в гвардию, то прошу для него орден св. Владимира четвертой степени».[9, с.266] Следует учесть, Ермолов, ветеран многих войн, никогда не отличался сентиментальностью. Следовательно, давая столь лестную характеристику Якубовичу, полководец признавал его героизм и мужество в бою. Однако Санкт-Петербург ограничился награждением орденом.

В 1822 г. штабс-капитан Нижегородского драгунского полка Якубович был переведен на Кабардинскую пограничную линию. Его назначили начальником казачьих резервов, расположенных в местах наиболее вероятного прорыва противника: броды на р. Малке, Баксане, Чегеме. Он получил полную самостоятельность и подчинялся только командующему войсками в Кабарде.

В отличие от линейных частей, которые несли утомительную службу на рубежах с враждебными горцами, занимались рубкой леса, прокладкой коммуникаций, строительством опорных пунктов, отряд Якубовича постоянно участвовал в боевых действиях. Фактически, это означало не только охрану границы, но и решение ряда специфических задач: осуществление рейдов на сопредельную территорию с целью проведения глубинной разведки, защита лояльных горцев и русских переселенцев. Нередко при осуществлении операций на сопредельной территории малому отряду Якубовича приходилось вступать в схватки с многочисленным врагом, не рассчитывая на помощь основных сил.

В ноябре 1822 г. Якубович с группой из 15 чел. вступил в бой с большим отрядом черкесов и обратил врага в бегство.[9, с.350] При этом, штабс-капитан в поединке лично зарубил неприятельского предводителя. Кроме высоких боевых качеств, ему было присуще справедливое обращение с подчиненными. Де-

кабрист Розен, служивший на Кавказе в 1837 г., рассказывал, что память о храбром капитане «Якубе» в этих краях сохранялась. Штабс-капитан Кулаков, служивший в отряде Якубовича вахмистром, сообщил Розену, что его командир заботился о солдатах, всегда честно делил захваченные трофеи. Себе он, как правило, ничего не брал из добычи.[9, с.381]

Особой статьей стало дипломатическое искусство Якубовича. Горцы всегда ценили твердость, великодушие, щедрость, но в разумных пределах. На переговорах с противником он вел себя уверенно, храбро и настойчиво. Вражеские полевые командиры признавали бесстрашие и благородство штабс-капитана. Как это было не характерно для человека, который уже скандально прославился в Москве и Тифлисе, как дуэлянт и буян

Военный историк генерал-лейтенант В.А. Потто дал Якубовичу следующую характеристику: «Слава о нем разнеслась по целому Кавказу, как между русскими, так и между горцами. Самые отважные наездники искали его дружбы, считая его безукоризненным джигитом. В знак почета горцы позволяли посланным от него ездить к ним без оружия – и никто не решился бы нанести им малейшую обиду. Отчаяннейшие враги России были кунаками Якубовича, ценя его великодушные поступки, верность данному слову и зная, что жены и дети знатнейших из них, если бы по жребию войны и достались в его руки, будут возвращены с почетом и без выкупа. Одну красавицу княгиню, попавшую в плен, он сам оберегал, стоя по ночам на страже у ее шалаша, а когда отряд его возвратился домой, сам же доставил ее в горы к мужу. Признательный князь отпустил тогда с Якубовичем также без выкупа шесть русских пленных, стал его вернейшим кунаком, переписывался с ним и не раз извещал его о сближениях закубанцев».[9, с.380]

В 1823 г. Якубовича перевели для участия в боевых действиях против закубанских черкесов. Во время одной из военных экспедиций, возглавляемой полковником Вельяминовым, его отряд двигался на большом удалении от основных сил и вступил во встречный бой с превосходящим по численности отрядом горцев. На штабс-капитана напали два черкеса. Одного он зарубил шаш-

кой, но другой почти в упор выстрелил в Якубовича. Ранение было тяжелейшим: пуля раздробила череп над правым глазом. Тем не менее, штабс-капитан остался жив. Подчиненные сумели не только спасти командира, но и отразить нападение противника. Несмотря на тяжелую рану, Якубович уже на следующий день сел на лошадь и возглавил отряд. Несмотря на сильные боли и периодическое кровотечение, он оставался в строю до конца операции.

В сентябре-октябре 1823 г. Якубович участвовал в очередной экспедиции Вельяминова за Кубань. И на этот раз он возглавлял авангард русских войск в боях с черкесами. 7 октября 1823 г. капитан лично возглавил атаку трехсот спешенных казаков и солдат Навагинского полка и сражался в жестокой рукопашной.[9, с.420] В течение 1824 г. Якубович, во главе отряда из 300 кубанских и моздокских казаков, участвовал в экспедициях полковника Кацырева за Кубань.[9, с.428] Это были тяжелые походы, в ходе которых русским войскам нередко приходилось уничтожать аулы, сжигать посевы, угонять скот.

Удивление вызывает, что за участие в вышеуказанных операциях Якубович не был награжден. Героизм офицера был налицо, в буквальном смысле слова. Тяжелораненый командир отряда, выполнявший опасные задания, не только остался в строю, но и лично участвовал в жестоких боях. Единственным его отличием стало производство в чин капитана. Походы за Кубань в 1824 г. стали последними боевыми эпизодами в биографии Якубовича.

«Якубович в Санкт-Петербурге. Лето-осень 1825 г.».

Летом 1825 г. капитан Якубович получил отпуск для лечения после тяжелого ранения и прибыл в Санкт-Петербург. Реабилитацией капитана занимались известные светила медицины – баронет Велье, профессор Буяльский, доктор Арент. Лечение затянулось до осени и стало весьма жестоким испытанием для Якубовича. По его свидетельству: «Два раза мне делали жесточайшие операции, вынули из раны раздробленные кости и куски свинцу, и пять месяцев был в муках необъяснимых».[3, с.31]

Несмотря на тяжелое лечение, длительный реабилитационный период, Якубович вел себя в столице весьма активно. Капитан довольно быстро приоб-

рел известность в столичных кругах. Производили впечатление не только внушительная внешность (высокий рост, роскошные усы, черная повязка на голове), но и его рассказы о похождениях на Кавказе.

В Санкт-Петербурге Якубович пытался оформить свои воспоминания о войне в некое литературное произведение. В газете «Северная Пчела», выходившей в столице, был напечатан его очерк «Отрывки о Кавказе». Публикация вызвала определенный фурор в литературных кругах. А.С. Пушкин спрашивал будущего декабриста А. Бестужева: «Кстати: кто писал о горцах в «Пчеле»? Вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображения? Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе».[1, с.250]

Несмотря на первый успех, литературное поприще не впечатлило Якубовича. С другой стороны, он сблизился с членами Северного тайного общества. Благодаря общему мнению, сложившемуся о «кавказцах», капитан Якубович, сосланный на войну за участие в дуэли и, прославившийся там своей храбростью, быстро завоевал авторитет среди членов этой организации. Полковник Булатов признавал: «Мы мыслями были сходны; я не зная, давно любил его, сам не зная за что, может быть за оказанную им храбрость в Грузии. С сей минуты я полюбил его душою».[3, с.125] К.Ф. Рылеев вспоминал: «Задолго до приезда в Петербург Якубовича я уже слышал о нем. Тогда в публике много говорили о его подвигах против горцев и о его решительном характере».[1, с.250]

Точно такое же впечатление Якубович произвел и на другого лидера Северного тайного общества генерал-майора князя С.Г. Волконского. Он встречался с капитаном во время своей поездки на Кавказ в 1824 г. Князь вспоминал: «При первом знакомстве с ним я убедился, что опала, над ним разразившаяся, явные, нескрываемые прогрессивные убеждения его и при этом заслуженное общее мнение сослуживцев о нем, как об отличном боевом лице, угнетенном опале, – все это могло быть мне ручательством, что я встречу в нем сочувствие к общему затеянному делу того общества, в котором я был членом» [3, с.26].

При встрече с Волконским Якубович сообщил князю ему о существовании на Кавказе тайного общества военнослужащих. Капитан охарактеризовал

структуру организации, но не упомянул ни об одном из ее членов. Главой общества был назван генерал А.П. Ермолов.[2, с.520] По воспоминаниям Волконского, капитан заявил следующее: «У нас на Кавказе и более сил, и во главе человек даровитый, известный всей России, а при неудаче общей, здесь край и по местности отдельный, способный к самостоятельности».[3, с.26]

Красноречие Якубовича убедило Волконского и он даже представил руководству Южного тайного общества письменный отчет о своей поездке на Кавказ. Впоследствии князь признал, что вывез «карту объяснений на одном листе Кавказского и Закубанского края с обозначением старой и новой линии и с краткой ведомостью о всех народах, в оном крае обитающих», а также «общую карту» Грузии.[6, с.121]

Версию о существовании подпольной военной организации озвучил и руководитель Южного тайного общества полковник П. Пестель. В январе 1826 г. на следствии по делу декабристов он показал, что возможно нелегальное общество существует и на Кавказе, в корпусе генерала А. Ермолова. Однако полковник не подтверждал достоверности информации. «С корпусом Ермолова не было у нас никакого сношения прямого; слышал я, что у них есть общество...Все сии подробности извлек к[нязь] Волконский от Якубовича, который несколько выпив, был с ним откровенен».[6, с.8-9]

Романтическая мистификация Якубовича имела серьезные последствия. По свидетельству Рылеева, общественный авторитет капитана был столь высок, что он уже при первой встрече предложил герою Кавказа присоединиться к организации. Симпатии будущего руководителя восстания декабристов вызвали весьма радикальные суждения капитана. Якубович заявил о готовности собственноручно убить Александра I во время маневров гвардии в Петергофе.

По признанию Рылеева: «Слова, голос, движения, рана, произвели на меня сильное впечатление, которое, однако ж, я старался скрыть от него, и представлял ему, что подобный поступок может его бесславить, что с его дарованиями и сделав уже себе имя в армии, он может для отечества своего быть полезнее и удовлетворить другие страсти свои. На это Якубович отвечал мне, что он

знает только две страсти, которые движут мир. Это благодарность и мщение, что все другие не страсти, а страстишки, что он слов на ветер не пускает, что он свое дело совершит непременно и что у него для сего назначено два срока: маневры или праздник Петергофский».[3, с.30] С большим трудом Рылееву удалось убедить агрессивно настроенного капитана в несвоевременности покушения на государя. Капитан отложил цареубийство на год.

Якубович не стал вступать в Северное тайное общество. В отличие от Каховского, капитан никогда не занимался изучением политических теорий, не говоря уже об экономических проблемах. К декабристам его могла привлечь только стремление к внешней популярности, героической романтике. Немалое значение имел и опыт Кавказа. Как уже упоминалось, в силу специфики боевых задач, Якубовичу предоставлялась широкая свобода действий. Членство в обществе, даже тайном, налагало на капитана определенные обязательства.

На следствии по делу декабристов Рылеев свидетельствовало взглядах Якубовича: «Он сказал мне: «Господа! признаюсь: я не люблю никаких тайных обществ. По моему мнению, один решительный человек полезнее всех карбонаров и масонов. Я знаю, с кем говорю, и потому не буду таиться. Я жестоко оскорблен царем! Вы, может, слышали». Тут, вынув из бокового кармана полуистлевший приказ о нем по гвардии и подавая оный мне, он продолжал, все с большим и большим жаром: «Вот пилюля, которую я восемь лет ношу у ретивого; восемь лет жажду мщения». – Сорвавши перевязку с головы, так что показалась кровь, он сказал: «Эту рану можно было залечить и на Кавказе без ваших Арентов и Буяльских, но я этого не захотел и обрадовался случаю хоть с гнилым черепом добраться до оскорбителя. И наконец я здесь! и уверен, что ему не ускользнуть от меня».[1, с.250]

Таким образом, основной причиной внешней оппозиционности Якубовича являлось якобы желание отомстить за абсолютно справедливое наказание. Вместе с тем, несмотря на серьезные разногласия капитан, продолжал поддерживать контакты с будущими заговорщиками. Причиной парадоксальной ситу-

ации являлись, скорее всего, симпатии которые выказывали капитану некоторые молодые декабристы, жаждавшие активных действий.

Немаловажное значение имели и разногласия среди лидеров общества. В частности, между полковником Батенковым и Рылеевым. Батенков имел собственный вариант переворота. Быстро осознав характер капитана, он рекомендовал ему воздержаться от сотрудничества с Кондратием Федоровичем: «Чего думать о планах общества! Вам, молодцам, стоило бы только разгорячить солдат именем цесаревича и походить из полка в полк с барабанным боем, так можно наделать много великих дел».[3, с.124]

В начале декабря 1825 г. подготовка к восстанию вступила в решающую фазу. Некоторые участники восстания даже предполагали, что Якубович станет диктатором. Однако 9 декабря общее руководство было возложено на полковника Трубецкого – главного разработчика военной составляющей заговора. А. Бестужев впоследствии показал на следствии: «Начальником войск избран был Трубецкой, хотя и думал быть несколько времени Якубович».[3, с.125]

12 декабря руководство Северного тайного общества предложило Якубовичу возглавить матросов Гвардейского морского экипажа, захватить Зимний дворец, арестовать великого князя Николая Павловича и его. Капитан согласился, но при этом высказал следующее: «Я, потеряв всю мою службу, жертвовал собою против горских народов для того единственного, дабы иметь случай отомстить государю, которого я ненавижу, ждал его прибытия и сумел бы отомстить за себя. Но, господа, должен вам сказать, что я к несчастью, имею доброе сердце и на себя не надеюсь: нынешний государь мне не сделал никакого зла, и я не могу его ненавидеть, а отважиться на жизнь человека и государя – надобно иметь злобную душу».[3, с.128] Капитан, безусловно, был недоволен решением общества, но повлиять на него он не мог. 13 декабря на последнем совещании заговорщиков Якубович предложил открыть питейные заведения, вынести из церквей хоругви и организовать шествие к Зимнему дворцу. К счастью, эта инициатива была отвергнута.

Таким образом, до 14 декабря герой Кавказской войны соглашался принять активное участие в восстании. Однако, как только стало известно, что военным вождем будет другой, интерес Якубовича к борьбе с самодержавием заметно охладел. Тем не менее, он продолжал играть роль бунтаря, согласился возглавить выполнение одной из наиболее важных акций заговора. Одновременно с этим, он, фактически, рассматривал альтернативный вариант своего поведения во время выступления.

Советский историк Гордин в своих трудах по истории восстания декабристов высказывал мнение, что Якубович вел двойную игру, практически, с первой встречи с членами Северного общества. Параллельно с ведением бурных дискуссий с будущими заговорщиками, капитан пытался решить вопрос о своем восстановлении в гвардии. Позже, на следствии он показал: «В это время старался через генерала Дибича довести до сведения покойного государя мою службу и многие неудовлетворенные представления обо мне генерала Ермолова, с объяснениями невинности моей по делу покойного Шереметева, прося перевода в гвардию с обратным назначением в Грузию, где в мирное время видел более случаев к отличиям. На что последовало разрешение повелением внести имя мое в список в приказ для перевода в лейб-гвардии Уланский полк, что и было сделано 12 ноября».[3, с.31]

Гордин выдвинул точку зрения, что само присутствие в Санкт-Петербурге капитана, прославившегося на Кавказе, привело Северное тайное общество к идее о реальности скорого вооруженного выступления в столице. Эта версия подкреплялась высказываниями некоторых декабристов. Например, полковник Бригген заявил на следствии: «Я уверен, что ежели бы не было Якубовича, то и несчастное происшествие 14 декабря не случилось бы...».[3, с.32]

Следственный комитет по делу декабристов, суммировав полученные подробные сведения, определила роль Якубовича в накануне выступления 14 декабря следующим образом: «Приезд сего последнего (Якубовича) в Петербург, его разговоры, объявленный им умысел сильно действовали на тогдашнего

начальника Северной думы Рылеева; им (Якубовичем), как утверждает Александр Бестужев, воспламенена тлевшая искра».[3, с.32]

Утверждения подобного рода весьма спорны и вызывают вопросы. Якубович прибыл в Санкт-Петербург летом 1825 г., когда руководители как Северного, так и Южного обществ, уже неоднократно обсуждали проекты захвата власти. Срок общего выступления был ориентировочно назначен на 1826 г.

Что касается героического образа кавказского героя, который якобы стал своеобразным катализатором для выступления. В составе тайных обществ и близких к ним кругах были сотни офицеров. Старшее поколение декабристов, составлявшее 30 % членов организаций, имело серьезный боевой опыт, полученный в войнах первого десятилетия XIX в.[10, с.8-9] В первую очередь, в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. Среди них было несколько генералов, полковники, штаб-офицеры.

Руководители тайных обществ, могли выказать уважение и сочувствие герою Кавказской войны, получившему тяжелое ранение в реальном бою, но никак не готовность корректировать свои планы в связи с его пребыванием в столице и якобы желанием убить царя. Следовательно, Якубович, имевший чин капитана, мог стать кумиром и лидером только для молодых офицеров, склонявшихся к действиям, а не длительному теоретизированию по поводу будущего переустройства России. Отдавая должное мужеству и военному искусству Якубовича, нельзя согласиться, что его общение с С. Волконским и К. Рылеевым побудило последних активизировать подготовку к будущему восстанию.

Следует также учитывать и временной фактор. Якубович, будучи в отпуске, не мог постоянно находиться в Санкт-Петербурге. Возможно, что его лечение могло затянуться. Но тогда, неизбежно, стала бы известна его деятельность о переводе в гвардию. Главной причиной форсированной подготовки к выступлению стала внезапная смерть Александра I и переприсяга великому князю Николаю Павловичу, но никак не присутствие Якубовича в столице.

«14 декабря 1825 г.».

В 6 часов утра 14 декабря 1925 г. Якубович побывал на квартире Александра Бестужева и заявил о своем отказе возглавить Гвардейский морской экипаж. Один из участников выступления полковник Булатов заехал к нему в девять утра. Капитан изложил ему собственную версию отказа участвовать в восстании: «Вообразите себе, что они со мной сделали. Обещали, что я буду начальником батальона экипажа, я еду туда и что же? Меня господа лейтенанты заставляют нести хоругвий, вот прекрасно! Я сам старше их и столько имею гордости, что не хочу им повиноваться».[3, с.173] Фактически, Якубович в очередной раз представал обиженным. На этот раз – декабристами.

Примечательно, что незадолго до визита Якубовича к А. Бестужеву пришел Каховский, приглашенный им еще накануне. Между соратниками состоялся следующий разговор: «Вас Рылеев посылает на площадь Дворцовую?» – сказал я. Он отвечал: «Да, но мне что-то не хочется». – «И не ходите, – возразил я, – это вовсе не нужно». – «Но что скажет Рылеев?» – «Я беру это на себя; будьте со всеми на Петровской площади».[3, с.164-165]

После некоторых проволочек, восстание все же началось. Поручики Н. Бестужев и Н. Щепин-Ростовский смогли возглавить и вывести из казарм большую часть личного состава Лейб-гвардии Московского полка. Когда колонна москвичей шла к Сенату по Гороховой улице, где располагалась квартира Якубовича, капитан выбежал на улицу, поднял на саблю шляпу и пошел впереди повстанцев. Ему, как старшему по чину, предложили возглавить полк. Однако, как только колонна восставших прибыла на Сенатскую площадь и начала строиться в каре, он оставил москвичей. Причин такого шага было несколько.

По свидетельству А. Бестужева, Якубович заявил, что должен уйти, жалуясь на головные боли. Щепин-Ростовский свидетельствовал, что капитан решил сообщить великому князю Николаю Павловичу о выступлении Московского полка и изложить требования восставших. По словам поручика, Якубович сам «вызвался идти, объявить лично государю императору и пред тем подходил, меня спрашивал».[3, с.268] Фактически, капитан выступал парламентаром.

Действия Каховского во время восстания декабристов общеизвестны. Весь день он, вооруженный пистолетом и кинжалом, находился на Сенатской площади, вместе с восставшими полками. В отличие от своих соратников, сохранявших пассивность весь день, поклонник Аристогитона и Брута действовал. В полдень он застрелил военного губернатора Санкт-Петербурга генерала от инфантерии М.А. Милорадовича, который уговаривал солдат Московского полка вернуться в казармы. Через два часа эта же участь постигла командира Лейб-гвардии Гренадерского полка полковника Стюрлера. Он пришел на Сенатскую площадь за своими подчиненными, примкнувшими к восстанию, и пытался убедить их ему повиноваться. После этого Каховский ранил кинжалом офицера за отказ кричать «Ура, Константин!». Фактически, он действовал так, как, по его представлению, должен был поступать настоящий революционер во время бунта. Каховский продолжал оставаться на Сенатской площади вплоть до того момента, когда восставшие полки были рассеяны огнем артиллерии.

Поведение Якубовича у Сената далеко от логики. Покинув Московский полк, капитан зашел на сенатскую гауптвахту и пообщался с караульным офицером. После этого он направился к Зимнему дворцу. Встретив на Адмиралтейском бульваре генерала Потапова из свиты великого князя Николая Павловича, капитан заявил ему, что «гнушается замыслами преступных», имея в виду заговорщиков.[3, с.266] После этого Якубович лично встретился с императором.

Сцену диалога государя и капитана описал в своих записках сам Николай Павлович. По свидетельству императора: «Заметил слева против себя офицера Нижегородского драгунского полка, которого черным обвязанная голова, огромные черные усы и глаза и вся наружность имели что-то особенное отвратительное. Подозвав его к себе и узнав, что он Якубовский (ошибка Николая), но не зная, с какой целью он тут был, спросил его, чего он желает. На сие он мне дерзко ответил:

- Я был с ними, но услышав, что они за Константина, бросил и явился к нам.

Я взял его за руку и сказал:

- Спасибо, вы ваш долг знаете».[3, с.267]

Николай Павлович приказал Якубовичу отправиться к заговорщикам и предложить им вернуться в казармы. Капитан вернулся к Московскому полку, картинно изображая настоящего парламентаря. Он шел, размахивая белым платком. Декабристам капитан, что государь их боится и убеждал, чтобы они держались прочно. Второй визит Якубовича к свите Николая Павловича закончился очередным поручением. На этот раз император приказал капитану разъяснить заговорщикам позицию великого князя Константина Павловича.

Вероятно, хождения Якубовича между двумя противными сторонами насторожили декабристов. По свидетельству поручика Сутгофа, не знавшего о предыдущих действиях капитана: «Якубович был оскорблен на площади кн. Щепиным-Ростовским».[3, с.270] Скорее всего, Щепин-Ростовский стал подозревать «кавказского героя» в двойной игре и потребовал объяснений. Обиженный, недоверием соратников Якубович покинул Сенатскую площадь.

Последней надеждой для капитана как-то себя реабилитировать в глазах тайного общества и перед самим собой стал визит в дом генерала Милорадовичу. О негативном отношении военного генерал-губернатора столицы к Николаю Павловичу и о его симпатиях к великому князю Константину было широко известно. Однако там Якубович узнал, что уважаемый полководец и государственный сановник умирает от пули заговорщиков. Слабая надежда на моральную реабилитацию рухнула. По свидетельству адъютанта Милорадовича Башуцкого, капитан горько переживал его кончину.[3, с.271] После этого Якубович уехал на свою квартиру и, хорошо вооружившись, никого не пускал к себе.

«Возмездие»

Поражение восстания 14 декабря 1825 г. завершилось для Каховского и Якубовича арестом и заключением в Петропавловскую крепость. Как кардинально отличалось их поведение во время выступления, так и во время следствия и тот и другой вели себя диаметрально противоположно.

Каховский в течение работы Следственного комитета открыто демонстрировал негативное отношение к правящему режиму. Он не скрывал своей

роли в подготовке восстания. Характеризуя причины вступления в тайное общество, он показал: «Личного намерения (т.е. корыстных интересов) я не имел, все желания мои относились к отечеству моему. Положение государства меня приводило в трепет: финансы расстроенные, отсутствие справедливости в судах, корыстолюбие употребляемых, уничтожение внешней коммерции – все сие предшествовало в глазах моих полному разрушению. Одно спасение полагал я в составлении законов и принятии оных непоколебимым вождем, ограждающих собственность и лицо каждого».[3, с.73]

Первоначально, может сложиться впечатление, что подобное поведение объяснялось обреченностью Каховского, его готовностью к собственной гибели во имя идеалов свободы. Действительно, отрицать убийства Милорадовича и Стюрлера, совершенные на глазах сотен свидетелей было глупо. Шансы на помилование государя были равны нулю. Гибель такой фигуры, как Милорадович, ему бы не простили. Однако о снисхождении Каховский не просил. На допросах он держался уверенно, с достоинством. Себя он уже приговорил.

Примечательно, что Петр Григорьевич, сознавая свою ответственность за привлечение в общество офицеров лейб-гвардии Гренадерского полка, старался всю вину взять на себя. В течение следствия он неоднократно обращался к властям с прошениями об облегчении участи своих товарищей. 21 декабря, находясь в Петропавловской крепости, он писал члену Следственного комитета, генерал-адъютанту Левашеву: «Ваше превосходительство! Я прибегаю к вам с моею просьбою, сделайте милость, доложите его величеству; я с радостью отказываюсь от всех льгот, отказываюсь писать к родным моим и прошу одной милости, чтоб облегчили судьбу Сутгофа, Панова, Кожевникова и Глебова. У них у всех многочисленные семейства, которых я убийца. Панов имеет невесту, он помолвлен, посудите о его положении!».[3, с.75]

11 мая 1826 г., когда следствие завершало работу, Каховский вновь обратился к Левашеву: «Истинно говорю, я причина восстания лейб-гренадерского полка...Все они имеют семейства, и я их убийца!.. Сделайте милость, ваше превосходительство, сколько можете облегчите судьбу их».[3, с.75]

Совершенно иначе вел себя Якубович. По свидетельству секретаря Следственного комитета Д.А. Боровкова: «Ответы...Якубовича многословны, но не объясняли дела. Он старался увлечь более красноречием, нежели откровенностью. Так, стоя посреди залы в драгунском мундире, с черною повязкою на лбу, прикрывавшею рану, нанесенную ему горцем на Кавказе, он импровизировал довольно длинную речь и в заключение сказал: «Цель наша была благо отечества; нам не удалось – мы пали; но для устранения грядущих смельчаков нужна жертва. Я молод, виден собою, известен в армии храбростью; так пусть меня расстреляют на площади, подле памятника Петра Великого».[3, с.31-32]

Тем не менее, несмотря на очевидную готовность к красивой смерти, Якубович частенько путался в своих показаниях. На вопрос следственной комиссии о задачах, возложенных на него руководством Северного общества, капитан ответил, что он должен был «идти с войсками на Дворцовую или Петровскую площадь мне поручило общество и кричать «Ура, Константин!», пока не соберется Совет и Сенат».[3, с.116]

Более откровенными оказались соратники капитана. Рылеев на допросе 24 апреля 1826 г. заявил: «Дворец занять брался Якубович с Арбузовым, на что изъявил свое согласие Трубецкой.»[3, с.116] Каховский утверждал: «В день происшествия было препоручено дворец взять Якубовичу, в коем должен был он арестовать всю царскую фамилию, но в обществе говорили, что буйное свойство Якубовича, конечно, подвергает жизнь оных опасности».[3, с.117] С этими показаниями согласился князь Трубецкой.

Во время судебного расследования рассматривалась версия о существовании тайного общества на Кавказе. Якубович объяснял свое поведение, что, будучи «в хмельном угаре» решил «похвастаться» перед Волконским, рассказав ему «небылицы» об этой организации.[4, с.17] Следствие признало кавказское общество «мнимым».[4, с.17] Тем не менее, это негативно повлияло на карьеру генерала А. Ермолова. В 1827 г. прославленный полководец был смещен со всех постов. Фактически, одной из причин опалы стала авантюра Якубовича, за которого Ермолов неоднократно ходатайствовал перед царем.[2, с.521-560]

Приговор суда для участников восстания был суров. Каховского предали казни через повешение вместе с Пестелем, Рылеевым, Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым. Якубовича ждали несколько лет заключения в Петровской каторжной тюрьме. Потом бывшего капитана перевели на поселение в Енисейск. Здесь он основал небольшую школу, мыловаренный завод. Якубович оказался неплохим предпринимателем. Предприятие давало прибыль, что позволило ему не только поправить свое материальное положение, но даже помогать товарищам по заключению.[9, с.441] Возможно, он хотел таким образом загладить свою вину перед бывшими соратниками. В 1845 г. Александр Иванович скончался от горячки в Енисейске.

«Вместо эпилога»

Каховский и Якубович оказались в одних рядах с участниками Северного тайного общества незадолго до восстания 14 декабря 1825 г. Первый был убежденным сторонником республиканского строя. Второй, не вникая идеи декабристов, жаждал новых подвигов, популярности. Каховский, не имевший никакого представления о тайном обществе и его планах, быстро присоединился к заговорщикам. Приняв активное участие в выступлении, он до конца оставался верен своим идеалам и, как желал, заплатил за них собственной жизнью.

Нарочитая активность, склонность к импровизации, театральным жестам Якубовича оказались не только бесполезными, но и имели фатальные последствия для всего выступления в целом. Убедив декабристов в своей оппозиционности монархии, Якубович внезапно изменил товарищам. Боевой офицер, участник многих сражений, на протяжении всего 14 декабря обманывал и соратников и противников, так и не примкнув ни к одной из сторон.

В июле 1826 г. перед отправкой в Сибирь Якубович написал своему отцу следующее: «Батюшка! в последний раз мне суждено говорить с вами, и я как откровенный солдат обнаружил мою душу. Вы бы могли требовать этого как отец, как отец от сына, но я признан недостойным носить имя это, законы меня осудили, и я погиб, погиб невосвратно...Ах! Для чего убийственный свинец на горах Кавказских не пресек моего бытия? Для чего я искал спасения в острие

моей сабли? Позор ужаснее смерти! Я был не столько в душе преступником, сколько желал оным сделаться. Самолюбие подстрекало меня, и сей порок ужаснейший был причиною моей гибели».[3, с.24-25]

Список литературы:

1. Афанасьев В.В. Рылеев: Жизнеописание. – М.: Молодая гвардия, 1982.
2. Гордин Я.А. Ермолов. – М.: Молодая гвардия, 2012.
3. Гордин Я.А. События и люди 14 декабря. – М.: Советская Россия, 1985.
4. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. – М.: Высш. Школа, 1991.
5. Иванов В.В. Северный Кавказ и Закавказье в XVI-XIX вв. Учебное пособие. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПГУ, 2011.
6. Киянская О.И. Декабристы. – М.: Молодая гвардия, 2015.
7. Лермонтов М.Ю. Кавказец. – М.: Правда, 1969.
8. Печейкин А.В. С флажками на копьях.// Военно-исторический журнал. 2012. № 4. С.57-60.
9. Потто В.А. Кавказская война. Ермоловское время. Т.2. Ставрополь: Кавказский край, 1994.
10. Прокофьев Е.А. Военные взгляды декабристов. – М.: Воениздат, 1953.
11. Цимбаева Е.Н. Грибоедов. – М.: Молодая гвардия, 2011.